

На правах рукописи

Кривова Дарья Анатольевна

**ПОЛИТИКА КАБИНЕТА МИНИСТРОВ 1730–1741 ГГ. В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И
МЕСТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ НА
ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ**

5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Самара – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» на кафедре российской истории

Научный руководитель: Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Азнабаев Булат Ахмерович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», кафедра истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии, профессор;

Хитров Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», кафедра истории России до начала XIX века, доцент.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва.

Защита диссертации состоится 23 мая 2026 года в 10.00 час. на заседании объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.030.02 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет», федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» по адресу: г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, Самарский университет, корпус 22в, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», https://ssau.ru/resources/dis_protection/krivova

Автореферат разослан « ____ » марта 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Леонтьева Ольга Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется тем, что изучение деятельности государственных учреждений дает возможность проследить изменения в политической, социальной и экономической жизни страны на различных этапах ее исторического развития. Кроме того, исследование функционирования властных структур неразрывно связано с изучением персональных характеристик представителей правящей элиты, что дает возможность выявить становление и эволюцию стратегий и тактик решения политических задач, которые разрабатывались в государственных учреждениях.

Эти задачи особенно актуальны в отношении высших органов власти эпохи дворцовых переворотов (1725–1762 гг.). Так, в 1730–1741 гг. ключевая роль в управлении государством принадлежала Кабинету министров. Деятельность Кабинета редко оказывалась в центре внимания историков, поскольку его роль часто ошибочно соотносили с функцией личной канцелярии при монархе. Однако изучение деятельности Кабинета министров позволяет приблизиться к решению ключевых дискуссионных вопросов в историографии правления Анны Иоанновны: о сохранении преемственности по отношению к политическому курсу Петра I, о степени влиятельности «немецкой партии», о роли конкретных исторических деятелей (А.И. Остермана, Б.Х. Миниха, Э.И. Бирона, А.П. Волынского) в выработке государственной политики, и об общей оценке эффективности политического курса правительства Анны Иоанновны.

Вместе с тем актуальным является вопрос обращения к политике центральных властей на Юго-Востоке европейской России. Именно на этом направлении в период 1730-х гг. – начала 1740-х гг. был осуществлен ряд значимых политических шагов, связанных со строительством оборонительных линий, деятельностью Оренбургской экспедиции (комиссии), а также выработкой линии поведения в отношении башкирского, казахского и других групп местного населения. Поэтому изучение политики Кабинета в этом регионе является необходимым шагом для воссоздания процесса формирования Российской империи.

Таким образом, исследование деятельности Кабинета министров 1730–1741-х гг. в его взаимодействии с центральными органами власти и местными структурами на Юго-Востоке европейской России обладает высокой степенью научной актуальности, так как позволяет выявить задачи, которые ставило перед собой правительство в лице Кабинета министров, а также проблемы и противоречия, с которыми неизбежно приходилось сталкиваться властям на центральном и местном уровне, и, следовательно, прийти к более глубокому пониманию основных направлений политического развития России в послепетровский период.

Объектом исследования является политика Кабинета министров в качестве высшего органа власти в 1730–1741 гг.

Предмет исследования – взаимоотношения Кабинета с Сенатом, центральными отраслевыми учреждениями и местной администрацией в Юго-Восточном регионе европейской России.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1730–1741 гг. – время функционирования Кабинета министров.

Территориальные рамки исследования определяются территорией Российской империи. Особое внимание в диссертационной работе уделено Юго-Восточному региону европейской России, под которым следует понимать территории Заволжья и Приуралья. Вместе с тем, в ряде случаев приходится несколько расширять его рамки.

Степень разработанности темы исследования. В историографии проблемы необходимо выделить три этапа: начальный – с первой половины XVIII в. по 1917 г.; второй этап – с 1917 г. до конца 1980-х гг.; третий этап – с начала 1990-х гг. до настоящего времени.

Исследователи XVIII в. в основном делали упор на оценку царствования Анны Иоанновны в целом. В частности, М.М. Щербатов рассматривал правление Анны «как строгое, а иногда и тираническое»¹.

С 30-х гг. по 50-е гг. XIX в. относительно правления Анны Иоанновны среди историков преобладала концепция «немецкого засилья» во внешней и внутренней политике. Например, И.И. Шишкин полагал, что в этот период немцы во главе с Э.И. Бироном определяли основную линию царствования².

Значительную роль в изучении эпохи Анны Иоанновны сыграли исследования С.М. Соловьева. В своей «Истории России с древнейших времен» историк впервые вводит в научный оборот документы, извлеченные из фондов Кабинета министров 1730–1741-х гг.³

В последней четверти XIX в. в рамках концепции «бионовщины» этот период исследовал В.О. Ключевский. Кабинет министров в его понимании заслуживал негативной оценки, поскольку из-за неопределенной компетенции представлял собой «не то личную контору императрицы, не то пародию на Верховный тайный совет»⁴.

В конце XIX в. впервые появились исследования, где была проанализирована деятельность Кабинета. На основе архивных материалов А.Н. Филиппов отметил преемственную связь между Верховным тайным советом и Кабинетом⁵.

---

¹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Памятники литературы XVIII в. М., 2001. С. 27.

² Шишкин И.П. События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // Отечественные записки. 1858. № 5. С. 275–278.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 т. СПб., 1851–1879. Т. 19–21.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 273.

⁵ Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета. Юрьев, 1895; Его же. Кабинет министров и Правительствующий Сенат // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897. Т. 7. С. 1–61; Его же. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев, 1898.

В советский период царствование Анны Иоанновны как предмет самостоятельного изучения практически не рассматривалось историками. Политика Кабинета министров была еще менее разработанной темой.

К примеру, в 1920-е гг. М.Н. Покровский вернул в историографию тезис о «немецком господстве», однако подверг его изменению – «иноземное иго» теперь означало преобладание западноевропейского капитала над русской внутренней и внешней политикой. Кабинет министров, по его мнению, представлял собой фактически возвращенный Верховный тайный совет⁶.

В 1930-е гг. исследователи по-прежнему следовали концепции «немецкого засилья». Например, М.И. Семин писал, что Кабинет при Анне Иоанновне представлял собой инструмент влияния определенного круга лиц, удовлетворявших с его помощью свои личные интересы⁷. Вплоть до конца 1980-х гг. появлялись исследования, отражавшие подобную точку зрения. К примеру, В.В. Мавродин не отрицал существования «немецкого засилья» в период 1730-х гг.⁸

Однако в 1950–1980-х гг. оценка эпохи 1730-х гг. в целом носила уже не такой негативный характер, как десятилетия ранее. Так, С.М. Троицкий подчеркивал, что именно со стороны Кабинета были предприняты попытки навести порядок в финансовой сфере⁹.

В постсоветский период можно отметить всплеск интереса к эпохе правления Анны Иоанновны. Так, в 1990-е – начало 2000-х гг. выходят исследования Н.И. Павленко и Е.В. Анисимова.

Н.И. Павленко работу Кабинета оценивал как продолжение петровских реформ, которое осуществлял «немецкий триумвират» в составе Э.И. Бирона, А.И. Остермана и Б.Х. Миниха¹⁰.

Е.В. Анисимов изначально придерживался концепции «немецкого засилья», однако позже пришел к выводу, что количество немцев в составе правящей элиты России не представляло опасности для национального существования государства в 1730-е гг. Как считал историк, деятельность Кабинета министров по своим функциям совпадала с Верховным тайным советом¹¹.

Существенный вклад в изучение царствования Анны Иоанновны в 2000–2010-х гг. внесли также И.В. Курукин и Н.Н. Петрухинцев.

И.В. Курукин солидарен с выводами, содержащимися в поздних работах Анисимова: по его мнению, эпоха «бироновщины» на деле представляла собой возвращение к курсу Петра I, основной целью которого являлся приоритет

---

⁶ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. 3. СПб., 2002. С. 190.

⁷ Семин М.И. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 25–39.

⁸ Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 335–336.

⁹ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966; Его же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974; Его же. Россия в XVIII веке. М., 1982.

¹⁰ Павленко Н.И. Страсти у трона. М., 1996; Его же. Вокруг трона. М., 1998; Его же. Сопратники Петра. М., 2001; Его же. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002.

¹¹ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986; Его же. Россия без Петра. СПб., 1994; Его же. Анна Иоанновна. М., 2002.

государственных потребностей. Также Курукин полагал, что деятельность Кабинета министров отличалась от Верховного совета, так как сфера компетенции Кабинета ограничивалась преимущественно внутренним управлением¹².

Н.Н. Петрухинцев обратил внимание, что на протяжении 1730-х гг. внутривластный курс страны оставался бессистемным. Тем не менее он предположил, что основным результатом царствования стала стабилизация политической системы, созданной Петром I¹³.

Комплексной работой по Кабинету министров 1730–1741 гг. стала диссертация Е.Н. Савельевой. Однако, рассмотрев предпосылки и причины образования Кабинета, проанализировав его компетенцию, а также особенности персонального состава, автор практически не уделила внимания политике данного учреждения на местном уровне управления. Также автор частично соотносит роль Кабинета с функцией личной канцелярии при Анне Иоанновне и в качестве предшественников изучаемого государственного учреждения называет Приказ тайных дел Алексея Михайловича и петровский Кабинет, что на наш взгляд, стоит подвергнуть сомнению¹⁴.

А.В. Демкин обратился к исследованию решений Кабинета по вопросам финансов, землевладения и землепользования, торговли, промышленности, развития инфраструктуры в губерниях и отдельных городах. Однако, сосредоточившись на деятельности Кабинета, автор уделил мало внимания Сенату, функционирование которого было прочно связано с Кабинетом¹⁵.

Различным аспектам деятельности Кабинета министров, а также полномочиям Сената посвящены статьи А.В. Фаизова. В своих работах историк делает вывод, что по мере роста объема компетенции Кабинет сосредоточил в своих руках все управление государством¹⁶. Особое внимание исследователь

---

¹² Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; Его же. Бирон. М., 2006; Его же. Артемий Волинский. М., 2011; Его же. Анна Леопольдовна. М., 2012; Его же. Анна Иоанновна. М., 2014; Его же. Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов» (культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 42–65.

¹³ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота М., 2001; Его же. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740 гг.). М., 2014.

¹⁴ Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

¹⁵ Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731–1740 гг. М., 2021.

¹⁶ Фаизов А.В. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730–1741 годах: стадии роста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, философия. 2017. № 1. С. 49–62; Его же. Правительствующий Сенат в 1730–1741 гг.: полномочия и компетенция // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 4 (35). С. 34–43.

также уделил развитию аппарата, классификации делопроизводственной документации Кабинета и т.д.¹⁷

Важным направлением в развитии исследований, посвященных периоду 1730-х – начала 1740-х гг., следует считать изучение политики центральных и местных властей на Юго-Востоке европейской России.

Первым исследователем деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) можно назвать П.И. Рычкова. Автор предоставил ценные сведения о принятии Малым казахским жузом российского подданства, основании Оренбурга и башкирских восстаниях 1735–1740 гг.¹⁸

Большой вклад в систематизацию и публикацию архивных материалов по истории Оренбургского края в конце XIX – начале XX вв. внес историк А.И. Добросмыслов. Одним из наиболее важных достижений Добросмыслова стоит назвать публикацию материалов, впервые введенных в научный оборот и посвященных основанию Оренбурга и башкирским восстаниям 1730-х гг.¹⁹

В коллективном труде «Очерки по истории Башкирской АССР» (Т. 1) показано, как путем активизации политики властей Башкирия превратилась во внутреннюю провинцию Российской империи²⁰.

История колонизации Юго-Востока России на современном историографическом этапе нашла отражение в работах региональных историков.

Монография Э.Л. Дубмана посвящена истории создания Новой Закамской линии. Он доказал, что идея ее строительства в первой половине 1730-х гг. потеряла свою актуальность в связи с тем, что правительство осознало, что для дальнейшего продвижения на Юго-Восток нужен другой проект, направленный на решение более глобальной геополитической задачи²¹.

Существенный вклад в изучение деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в контексте включения территории Заволжья в состав Российской империи в 1730–1740-х гг. внес Ю.Н. Смирнов. В монографии «Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг.

---

¹⁷ Фаизов А.В. Делопроизводственная документация Кабинета министров в 1731–1741 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3 (23). С. 38–48; Его же. Организационная структура Сената в 1730–1741 гг. 2017. № 4. С. 56–81; Его же. «Присутствие» Кабинета министров (1731–1741 гг.) // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 4. С. 26–35; Его же. Аппарат Кабинета министров (1731–1741) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 37–51; Его же. «Посыльные Кабинета министров» (1731–1741 гг.): курьерская должность и повседневные эпизоды службы // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 3. (84). С. 40–44.

¹⁸ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

¹⁹ Добросмыслов, А.И. Тургайская область. Исторический очерк: [в 3 выпусках] / А.И. Добросмыслов. Т. 1, [вып. 3]. Тверь, 1902.

²⁰ Очерки по истории Башкирской АССР: в 2 т. Т. 1. Уфа, 1956. Ч. 1.

²¹ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект и строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005.

XVIII века» историк сосредоточил основное внимание на деятельности руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) в изучаемом регионе²².

Большой пласт литературы посвящен башкирским восстаниям 1735–1740 гг. Так, весомый вклад в изучение истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв. внес историк И.Г. Акманов²³.

Из современных историков, занимавшихся исследованием позиции башкир по отношению к политике властей в Юго-Восточном регионе в XVI–XVIII вв., следует отметить А.З. Асфандиярова²⁴, А.Б. Азнабаева²⁵. Деятельность А.И. Тевкелева на Юго-Востоке России в 30–50-х гг. XVIII в. проанализирована в диссертации И.Н. Байназарова²⁶. Специфика взаимоотношений властей и башкирского населения в начальный период деятельности Оренбургской экспедиции рассмотрена в диссертации И.К. Имангалина²⁷; истории башкирского восстания 1739–1740 гг. посвящена диссертация И.Ф. Амантаева²⁸. Тем не менее, роль Кабинета в этих сюжетах практически не отражена и потому нуждается в более подробном изучении.

Итак, на основе историографического анализа можно сделать вывод, что деятельность Кабинета министров нуждается в дальнейшем изучении, поскольку аспект его взаимоотношений с центральными и местными органами власти по-прежнему остается недостаточно раскрытым.

Исследовательская проблема диссертации заключается в выявлении стратегии Кабинета министров 1730–1741 гг. в его взаимодействии с центральными органами власти и местными учреждениями в Юго-Восточном регионе европейской России.

Целью настоящего исследования является изучение роли Кабинета министров в качестве высшего учреждения при императрице в процессе его

---

²² Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; Его же. Народ и власть в освоении Российского Заволжья, XVIII – середина XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 1999; Его же. Башкиры Самарского Заволжья: включение в имперское пространство России XVIII–XIX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 161–173; Его же. Статус и границы башкирских земель в Степном Заволжье в конце XVIII–XIX в. // Проблемы востоковедения. 2021. № 3 (93). С. 8–14.

²³ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016; Его же. Оренбургская экспедиция и восстание 1735–1736 гг.: неизбежно ли было это массовое движение? // Оренбург. Вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт: материалы и тезисы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 260-летию г. Оренбурга. Оренбург, 2003. С. 55–60.

²⁴ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006.

²⁵ Азнабаев А.Б. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в. Уфа, РИИЦ БашГУ, 2005; Его же. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа, 2016.

²⁶ Байназаров И.Н. А. И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30–50-х гг. XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005.

²⁷ Имангалин И.К. Башкирский край в первой трети XVIII века и Оренбургская экспедиция: опыт социально-политического взаимодействия: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2013.

²⁸ Амантаев И.Ф. Башкирское восстание 1739–1740 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012.

взаимодействия с центральными органами власти и местной администрацией на Юго-Востоке европейской России в 1730–1741 гг.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи исследования**:

– охарактеризовать Кабинет министров 1730–1741 гг. как типовое учреждение эпохи абсолютизма в сравнении с опытом государственных учреждений некоторых западноевропейских стран XVI–XVII вв.;

– рассмотреть историю учреждения Кабинета министров и его состав;

– исследовать деятельность Правительствующего Сената в 1730–1741 гг.;

– раскрыть эволюцию взаимоотношений Кабинета министров с Сенатом;

– проанализировать порядок взаимодействия Кабинета министров и центральных отраслевых учреждений;

– изучить политику Кабинета министров в процессе строительства Новой Закамской и Украинской линий в первой половине 1730-х гг.;

– выявить роль Кабинета министров в подготовке и на начальном этапе деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734–1736 гг., а также его реакцию на башкирское восстание 1735–1736 гг.;

– дать анализ эволюции стратегии Кабинета министров на Юго-Востоке европейской России в период руководства Оренбургской экспедицией (комиссией) В.Н. Татищевым в 1737–1739 гг. в контексте очередного башкирского восстания и растущего напряжения во взаимоотношениях с казахскими и калмыцкими правителями;

– оценить политику Кабинета министров в условиях завершения башкирских восстаний на Юго-Востоке в 1739–1741 гг.

Источниковую базу исследования составляет комплекс неопубликованных и опубликованных источников.

В работе использованы *архивные материалы* из 10 фондов центральных архивов – Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), а также региональных архивов – Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) и Научного архива Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН).

По содержательно-функциональному признаку нами выделены следующие группы исторических источников: 1) законодательные документы; 2) делопроизводственные материалы; 3) источники личного происхождения.

Законодательные документы представляют собой акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи²⁹. Эти материалы можно разделить на три подгруппы: именные указы – распоряжения Анны Иоанновны, сенатские указы и указы Кабинета министров.

Делопроизводственные материалы составляют следующую группу источников. Работа с архивными материалами фондов РГАДА: ф. 11 «Переписка разных лиц XVII–XIX вв.», ф. 16 «Внутреннее управление» и ф. 19 «Финансы», а также фонды РГИА: ф. 468 «Кабинет Его Императорского

²⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ-1), изд. 1. СПб., 1830. Т. 7–11.

Величества» и ф. 1329 «Именные указы и Высочайшие повеления Сенату» дала возможность проследить роль министров в государственном управлении в 1730–1741 гг.

Благодаря материалам фондов РГАДА: ф. 177 «Кабинет министров г. Санкт-Петербург» и ф. 248 «Сенат и его учреждения» нами были выявлены различные аспекты взаимоотношений между Кабинетом министров, Сенатом и руководящими лицами Оренбургской экспедиции (комиссии), Комиссии башкирских дел. В эту же подгруппу источников можно отнести документы фондов ОГАОО: ф. 1 «Оренбургская экспедиция, г. Уфа Оренбургской губернии 1734–1737 гг.» и ф. 2 «Канцелярия Оренбургской комиссии, г. Самара Оренбургской комиссии 17371–1744 г.», откуда были извлечены сведения о ходе Оренбургской экспедиции (комиссии), дипломатических отношениях российских властей с казахскими и калмыцкими правителями. К этой подгруппе относятся и документы НА УНЦ РАН, где нами был выявлен фонд личного происхождения уфимского краеведа Волкова Д.С. (ф. 23) по истории башкирских восстаний 1730-х гг.

Среди делопроизводственных материалов стоит выделить внутреннюю документацию Кабинета министров, зафиксированную в «Бумагах Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг.»³⁰.

Особую подгруппу источников составляют депеши иностранных дипломатов, находившихся при русском дворе в 1730–1741 гг. Важные сведения можно получить из донесений английских резидентов – К. Рондо, Э. Финча, французского посланника Маньяна, датского посланника Мардефельда³¹.

Значимую группу материалов составляют *источники личного происхождения*. Среди них нужно назвать мемуары, которые оставили как

---

³⁰ Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 103. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 1. (1731–1732 гг.). Юрьев, 1897; СИРИО. Т. 105. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 2. (1733 г.). Юрьев, 1899; СИРИО. Т. 108. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 3. (1734 г.). Юрьев, 1900; СИРИО. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). Юрьев, 1901; СИРИО. Т. 114. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 5. (1736 г.). Юрьев, 1902; СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев, 1904; СИРИО. Т. 120. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 7. (январь–июнь 1738 г.). Юрьев, 1905; СИРИО. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 8. (июль–декабрь 1738 г.). Юрьев, 1906; СИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 9. (январь–июнь 1739 г.). Юрьев, 1907; СИРИО. Т. 130. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 10. (июль–декабрь 1739 г.). Юрьев, 1909; СИРИО. Т. 138. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 11. (январь–май 1740 г.). Юрьев, 1912; СИРИО. Т. 146. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 12. (июнь–октябрь 1740 г.). Юрьев, 1915.

³¹ Рондо К. Донесения // СИРИО. Т. 66, 75, 80, 85; Финч Э. Донесения // СИРИО. Т. 91; Маньян. Донесения // СИРИО. Т. 75, 80; Мардефельд Г. Донесения // Со шпагой и факелом. М., 1991.

отечественные государственные деятели (И.И. Неплюев, князь Я.П. Шаховской)³², так и иностранцы на службе в России (фельдмаршал Б.Х. Миних, его сын Э. Миних, его адъютант К.Г. Манштейн, Э.И. Бирон)³³. Несколько особняком стоят «Замечания на записки г. Манштейна»³⁴, принадлежащие анонимному автору.

Таким образом, источниковая база делает возможным достижение поставленной исследовательской цели.

Методологические основы исследования составили принципы и методы, применяемые в современной исторической науке. Большое значение для работы имеют принципы историзма и объективности. Принцип историзма дал возможность комплексно изучить политику Кабинета в его исторической эволюции на протяжении 1730–1741 гг. Принцип объективности позволил беспристрастно изучить взаимодействие Кабинета с центральными и местными структурами власти на Юго-Востоке европейской России в 1730–1741 гг. Также изучение взаимоотношений центральных и местных властей 1730-х – начала 1740-х гг. базируется на методологии новой политической истории, что позволило выявить взаимосвязи личностных характеристик представителей правящей элиты с их реальными политическими действиями.

Методы исследования. В работе нашли применение общенаучные методы исследования, такие как анализ и синтез, классификация, обобщение, индукция и дедукция. Вместе с тем были использованы специальные методы исторического исследования. Сравнительно-исторический метод позволил обнаружить сходные и специфические черты между работой Кабинета и деятельностью государственных учреждений некоторых западноевропейских стран XVI–XVII вв. Для анализа взаимодействия Кабинета с центральными и местными структурами власти на Юго-Востоке был применен сущностно-содержательный метод.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении деятельности Кабинета министров в контексте его взаимодействия с центральными органами власти и местной администрацией на Юго-Востоке европейской России в 1730-х – начале 1740-х гг. В исследовании впервые:

– выявлены характерные черты типичных государственных учреждений эпохи российского абсолютизма, которые нашли отражение в деятельности Кабинета министров 1730–1741 гг., а также сформулировано предположение, что подобные учреждения представляли собой инстанции переходного типа от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам современных государств;

³² Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра 1726–1765. М., 1998; Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. СПб., 1891.

³³ Миних Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. М., 1996. С. 25–79; Миних Э. Записки // Там же. С. 46–68; Манштейн К.Г. Записки о России. СПб., 1875. С. 94–186; Бирон Э.И. Записка // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 188–206.

³⁴ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны. М., 1997.

– обоснован вывод о том, что в 1730 г. роль проводника преобразований царствования Анны Иоанновны официально была определена Сенату, однако на практике выдвижение Сената на первый план соответствовало планам Остермана незаметно подготовить условия для образования своего Кабинета;

– работа с архивными материалами позволила выявить эволюцию стратегии Кабинета министров на Юго-Востоке России. Определено, что если изначально линия поведения Кабинета в целом совпадала с точкой зрения местной администрации, то ко второй половине 1730-х гг. в связи с кровопролитным башкирским восстанием 1735–1736 гг. она приобрела самостоятельный характер; Кабинет стал придерживаться тактики лавирования путем усиления контроля над регионом, а также отказа от применения крайних мер в целях противодействия дальнейшему разрастанию кризиса на Юго-Востоке;

– выявлено, что именно жесткая линия поведения центральных властей в лице Кабинета и Сената, проявленная в 1739–1741 гг. при подавлении восстания Карасакала, способствовала окончательному выходу из затяжного кризиса, в котором оказался Юго-Восточный регион;

– сделан вывод, что если на центральном уровне управления Кабинет с годами все чаще был готов переложить ответственность при решении проблем на Сенат, то к задачам на Юго-Востоке его внимание ко второй половине 1730-х гг., напротив, возросло в связи с ухудшением ситуации в регионе. Доказано, что именно на этих территориях политика Кабинета оказалась более успешна, что выразилось в осуществлении последовательного правительственного контроля над строительством крепостей на юго-восточных рубежах государства, хозяйственным освоением башкирских земель, а также планомерным вхождением в состав России казахских жузов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что исследование политики Кабинета министров 1730–1741 гг. в контексте его взаимоотношений с центральными органами власти и местными структурами на Юго-Востоке позволяет достичь углубленного понимания основных тенденций взаимодействия властей на центральном и местном уровне в 1730–1741 гг. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской работе по истории государственного управления.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его материалы в преподавании курса истории России, специализированных курсов по истории государственного управления, региональной истории, при подготовке учебной литературы и научно-популярных изданий по истории Самарской области.

Положения, выносимые на защиту.

1. На основе сравнения Кабинета министров 1730–1741 гг. и ряда высших органов управления некоторых западноевропейских государств XVI–XVII вв. был сделан вывод, что Кабинет 1730–1741 гг. представляет собой типичное учреждение эпохи российского абсолютизма. Такие учреждения обладали рядом характерных черт, среди которых можно назвать сравнительно узкий

состав, отсутствие четко прописанных обязанностей, возложенных на участников учреждения, а также постепенную замену представителей аристократии или же лиц, связанных с властью кровным родством или личными связями, специалистами, обладавшими реальным профессиональным опытом в определенной сфере. Подобные учреждения, к которым следует отнести Кабинет министров 1730–1741 гг., представляли собой переходную форму от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам современных государств.

2. Практически все члены Кабинета являлись «птенцами гнезда Петрова», поскольку получили возможность карьерного роста именно благодаря поддержке Петра I. Существенных преобразований на центральном уровне управления в 1730-е гг. Кабинет не проводил, так как его глава А.И. Остерман не отличался новаторскими устремлениями, а преследовал цель закрепления петровских преобразований в системе государственного управления и обеспечения плацдарма для стабильного развития Российской империи.

3. В 1730 г. проводником преобразований царствования Анны Иоанновны был определен Сенат, официально возвращенный к тому положению, которое он занимал при Петре I. Выявлено, что в выдвижении Сената на первый план при реализации июньской серии указов 1730 г. был заинтересован А.И. Остерман, принимавший участие в разработке этих указов. Будущему первому министру было выгодно осуществить свой план по образованию Кабинета максимально незаметно. Поэтому, в отличие от серии июньских постановлений 1730 г. на имя Сената, указ об образовании Кабинета носит нечеткий характер. Со временем, ко второй половине 1730-х гг., политическое значение Сената стало постепенно уменьшаться. Взаимодействие Кабинета и Сената оказалось успешным на уровне решения оперативных задач, но не при реализации долгосрочных проектов.

4. Взаимодействие Кабинета министров с местными структурами управления было проанализировано на примере исследования его роли в проведении политического курса на Юго-Востоке европейской России. Ключевым эпизодом, в связи с которым возросло внимание центральных властей к Юго-Востоку, стало башкирское восстание 1735–1736 гг. Приняв к сведению точку зрения И.К. Кирилова и А.И. Тевкелева, руководивших действиями по подавлению мятежа, центральные власти выбрали жесткую позицию по отношению к восставшим башкирам.

5. В 1737–1739 гг. стратегия Кабинета министров в Юго-Восточном регионе при В.Н. Татищеве приобрела более обдуманной и уверенной характер. На этой линии поведения отразилась манера самого А.И. Остермана – человека осторожного и предусмотрительного, предпочитавшего не совершать резких действий, а медленно идти к своим целям. Таким образом, учитывая предыдущие ошибки, обернувшиеся башкирским восстанием 1735–1736 гг., а также агрессией со стороны казахов в 1737–1738 гг., министры продолжали мотивировать руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) на планомерное продвижение России далее на Юго-Восток.

6. В 1739–1741 гг. стратегия Кабинета была ориентирована на реализацию программы В.Н. Татищева, подкорректированной министрами. Это ярко характеризует личность А.И. Остермана, которому было свойственно скорее выбрать предложенный вариант реформ, чем разработать свой. Вместе с тем в 1739–1741 гг. указания Кабинета и Сената, а также действия местных властей отличала единая жесткая позиция при подавлении очередного башкирского восстания, поскольку на этот раз вследствие провозглашения Карасакала башкирским ханом оно могло привести к возможной сепарации Башкирии из состава Российской империи. Также именно эта жесткая линия поведения властей дала возможность Юго-Востоку выйти из затяжного кризиса.

8. На примере взаимодействия Кабинета и Сената с руководством Оренбургской экспедиции (комиссии) раскрывается постепенное изменение положения этих органов власти и их роли в формировании политики на местном уровне. В 1734–1736 гг. Кабинет по большей части курировал основную линию поведения экспедиции, в то время как с второстепенными задачами вполне мог справиться Сенат. Однако в 1737–1739 гг. политическое значение Кабинета, а вместе с ним и внимание этого органа к Юго-Востоку возрастает. Именно в это время механизм работы «Кабинет-Сенат» складывается в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных органов власти Российской империи, что нашло отражение в практике их взаимодействия с начальством Оренбургской экспедиции (комиссии). Большинство документов по назначению руководящих лиц, ходу подавления башкирских восстаний, секретным дипломатическим указаниям исходило именно от министров. Таким образом, если, с одной стороны, Кабинет был готов переложить ответственность на Сенат при решении ряда задач на центральном уровне, то на местном уровне в связи с отдаленностью территорий ему было важно сохранить свое влияние и статус правящего органа власти. Отсутствие стабильности на Юго-Востоке также стало одним из наиболее значимых факторов внимания Кабинета к этому региону.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена построением выводов на основе методологических принципов объективности и историзма, репрезентативностью источниковой базы, применением общенаучных и специальных методов исторического исследования, соответствующих объекту, предмету, поставленным цели и задачам.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были апробированы в 20 научных публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Материалы и выводы работы были представлены на 3 научных конференциях всероссийского уровня.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов

России и регионов», п. 10 «Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений», п. 15 «Исторический опыт российских реформ» паспорта специальности 5.6.1. Отечественная история.

Исходя из цели и задач, была определена **структура исследования**, которая включает в себя введение, основную часть, состоящую из трех глав, заключение, список источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень изученности темы, определяются объект, предмет, исследовательская проблема, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, описываются источниковая база, методологические основы и методы работы. Раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся сведения о степени достоверности и апробации результатов работы, о соответствии паспорту научной специальности, о структуре исследования.

Первая глава «Место Кабинета министров в системе государственного управления 1730–1741 гг. в историографии» посвящена историографическим дискуссиям о роли Кабинета министров в системе государственных учреждений.

В **первом параграфе** исследуется Кабинет министров 1730–1741 гг. в сравнении с органами власти со схожими полномочиями некоторых западноевропейских стран XVI–XVII вв. Подчеркивается, что в историографии роль Кабинета была ошибочно соотнесена с институтом личной канцелярии монарха. Выявлено, что Кабинет 1730–1741 гг. является типовым учреждением, реальные аналоги которого можно наблюдать не на примере Кабинета Петра I и Верховного тайного совета, а в чередѣ советов эпохи расцвета абсолютизма Западной Европы. Абсолютистская форма правления предполагала наличие некоего совета – вспомогательного органа власти при монархе, представлявшего собой переходную форму от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам государств современного типа. Доказано, что подобные учреждения обладали рядом общих признаков, среди которых следует назвать сравнительно узкий состав участников, отсутствие четко прописанных обязанностей, возложенных на членов учреждения, постепенный переход от влияния в советах аристократии или же лиц, связанных с властью кровным родством или личными связями, к специалистам, обладавшим действительным профессиональным опытом в определенной сфере.

Второй параграф посвящен истории учреждения и составу Кабинета министров 1730–1741 гг. Выявлено, что в указе об образовании Кабинета права и обязанности министров не были четко прописаны. Практически все члены Кабинета получили перспективу карьерного роста еще при Петре I. Ключевая фигура Кабинета – А.И. Остерман – проявил себя как последовательный сторонник воплощения петровских преобразований, что нашло отражение в

практической деятельности Кабинета министров 1730–1741 гг. Правительственная программа Остермана по большей части была направлена на исправление отдельных сторон государственного управления. На протяжении 1738–1740 гг. правительственному курсу Остермана пытался противостоять А.П. Волинский, который стремился проводить свою собственную политическую линию, однако потерпел неудачу.

Во второй главе «Система взаимоотношений Кабинета министров с Правительствующим Сенатом и центральными учреждениями» исследуется взаимодействие Кабинета с Сенатом и центральными правительственными учреждениями.

В *первом параграфе* характеризуется деятельность Правительствующего Сената в 1730–1741 гг. Доказано, что в 1730 г. на Сенат официально была возложена роль проводника будущих реформ. Восстановление полномочий Сената шло под эгидой идеи возвращения к политике Петра I, которая была провозглашена Анной Иоанновной. В выдвижении Сената на первый план был заинтересован и Остерман, которому было выгодно осуществить свой план по учреждению Кабинета максимально незаметно. Также к возрастанию значения Сената была причастна группа государственных лиц, основную роль в которой играл Ягужинский – генерал-прокурор Сената. Однако в связи с усилением значения Кабинета министров к середине 1730-х гг. представление о Сенате, как о верховном органе государственного управления потеряло актуальность.

Во *втором параграфе* анализируется порядок взаимоотношений Кабинета и Сената в 1730–1741 гг. Сделан вывод, что сотрудничество Кабинета и Сената было успешным на оперативном уровне, однако совместная работа по реализации масштабных и долгосрочных проектов – таких как составление нового Уложения законов, разработка окладной книги и новых гражданских штатов, – в силу объективных причин весомых успехов не принесла. Роль Сената заключалась не только в пассивном исполнении приказов Кабинета – в ряде случаев он также мог выступать с предложениями законодательной инициативы, которые нуждались в одобрении Кабинета. Подчеркивается, что на протяжении 1730–1741 гг. Кабинет и Сенат находились в неформальном противоборстве – время от времени Сенат пытался противостоять линии Кабинета в делах государственного управления, однако отсутствие в Сенате личности, которая могла бы стать консолидирующим звеном на пути к обретению Сенатом реальной верховной власти, не дало возможности Сенату превзойти Кабинет, находившийся под контролем Остермана.

В *третьем параграфе* раскрывается взаимодействие Кабинета министров и центральных отраслевых учреждений – коллегий и других инстанций. Выявлено, что основная роль Кабинета заключалась в контроле над представлением сведений (чаще всего финансового характера), которые должны были передать центральные отраслевые инстанции. Однако эти действия Кабинета по большей части носили безуспешный характер в силу объективных причин – постоянное затягивание дел отчасти объяснялось низким жалованьем, а также недостаточным уровнем квалификации со стороны

чиновного состава органов центрального управления. Очевидно, что ключевая проблема заключалась в отсутствии порядка в системе управления в целом, порожденном резким переходом от приказной системы московской России к петровским преобразованиям первой четверти XVIII в.

В третьей главе «Деятельность Кабинета министров на Юго-Востоке европейской России в 1730-х гг.» анализируется политика Кабинета на Юго-Востоке Российской империи.

В *первом параграфе* исследуется роль Кабинета в процессе строительства Новой Закамской и Украинской линий в первой половине 1730-х гг. В период правления Анны Иоанновны центральные власти пришли к убеждению о необходимости проведения целого комплекса мероприятий для защиты Юга и Юго-Востока европейской части страны от нападения кочевников. В связи с этим под контролем Кабинета и Сената оказалось возведение Новой Закамской и Украинской линий. Если план сооружения Новой Закамской линии к середине 1730-х гг. потерял свою актуальность в связи с разработкой проекта Кирилова и организацией Оренбургской экспедиции, то строительство Украинской линии поддерживалось центральными властями вплоть до 1743 г. Несмотря на то, что большая часть работ по возведению линий находилась в ведении Военной коллегии, Кабинет и Сенат регулировали вопрос спонсирования этих проектов.

Во *втором параграфе* рассматривается позиция Кабинета министров при подготовке и на начальном этапе деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734–1736 гг. Кабинет одобрил проект Кирилова по организации Оренбургской экспедиции, потому как его реализация укладывалась в общую правительственную концепцию по обеспечению безопасности Юго-Восточного региона, укреплению отношений с местными народами и расширению торговых отношений со странами Средней Азии. Столкнувшись с башкирским восстанием 1735–1736 гг., центральные власти показали свою заинтересованность в его скорейшем подавлении. Именно Кабинет занимался координацией наиболее серьезных вопросов, касавшихся экспедиции. От министров зависела общая линия поведения местного руководства на Юго-Востоке в деле подавления башкирского восстания. Однако при решении каких-либо второстепенных рабочих вопросов экспедиции на первый план выступал Сенат, с которым местные инстанции вели непрерывную переписку.

В *третьем параграфе* предпринята попытка выявить эволюцию стратегии Кабинета в 1737–1739 гг. в контексте очередного башкирского восстания и растущего напряжения во взаимоотношениях с казахскими и калмыцкими правителями. Последствия башкирского восстания 1735–1736 гг. были настолько велики, что внесли существенные перемены не только в работу самой экспедиции, но и привели к изменению политики Кабинета на Юго-Востоке европейской России в целом. К 1737 г. правительству пришлось временно отказаться от некоторых чрезвычайно амбициозных задач, поставленных еще в проекте Кирилова, – поиска торгового пути в Индию, – и в первую очередь сосредоточиться на поддержании стабильности в

регионе: проведении административных и военных мер по подавлению новых башкирских восстаний, упорядочению экономической ситуации, строительству крепостей для защиты населения от набегов кочевников. В 1737 – начале 1739 гг. деятельностью Оренбургской экспедиции (комиссии) руководил В.Н. Татищев. Удаленность Юго-Восточной окраины от центра в ряде случаев способствовали тому, что Василий Никитич был вынужден действовать самостоятельно. Подобная инициатива могла быть выгодна министрам, поскольку снимала ответственность с центральных властей за принятие чреватых неясными последствиями решений. По резолюциям министров на рапорты В.Н. Татищева заметно, что они относились с вниманием к его инициативам и ценили его точку зрения. В целом стратегия Кабинета министров на Юго-Востоке при В.Н. Татищеве приобрела более обдуманной и осторожный характер. Принимая к сведению предыдущие ошибки, обернувшиеся кровопролитным башкирским восстанием 1735–1736 гг., министры видели главную цель в мирном сосуществовании русского населения с местными народами и постепенном продвижении российского влияния далее на Юго-Восток.

В *четвертом параграфе* исследована роль Кабинета в условиях башкирского восстания и руководства Оренбургской экспедицией (комиссией) В.А. Урусовым в 1739–1741 гг. Анализ складывающейся в эти годы ситуации показал, что стратегия Кабинета по-прежнему была направлена на мирное урегулирование отношений с местными народами. Очередным шагом в этом направлении стало добровольное принятие присяги Средним казахским жузом в 1740 г. Именно в период руководства Оренбургской экспедицией (комиссией) Урусовым завершилось башкирское восстание 1739–1740 гг. Указания Кабинета и действия местного руководства отличала единая жесткая позиция при подавлении этого выступления, поскольку в связи с провозглашением Карасакала ханом Башкирии оно угрожало основам российской государственности. Именно эта жесткая линия поведения властей способствовала выходу из затяжного кризиса, в котором оказался Юго-Восточный регион.

В *«Заключении»* подведены основные итоги диссертационного исследования.

Исходя из сравнения Кабинета министров и ряда органов высшего управления западноевропейских государств XVI–XVII вв. со сходными полномочиями, можно вывести заключение, что Кабинет 1730–1741 гг. являлся типичным высшим учреждением эпохи российского абсолютизма. Очевидно, что признаки формирующегося современного государства можно проследить не только среди государств Западной Европы, но и в Российской империи. Стоит согласиться с мнением исследователей, предполагавших, что при абсолютистской форме правления должно было существовать учреждение, исполнявшее вспомогательную роль по отношению к монарху.

Выявлено, что практически все члены Кабинета являлись «птенцами гнезда Петрова» – то есть получили возможность карьерного роста именно

благодаря поддержке Петра I. Но главную роль в нем играл А.И. Остерман, который определял правительственный курс в 1730–1741 гг. Анализ источников и исследований свидетельствует, что программа А.И. Остермана была направлена на постепенное исправление отдельных сторон государственного управления. Начав карьеру в России при Петре I, Андрей Иванович остался последовательным сторонником воплощения и укрепления на практике петровских реформ в 1730-е гг.

На протяжении всего существования Кабинета важнейшим вспомогательным органом управления являлся Сенат. Взаимоотношения этих двух высших учреждений были достаточно противоречивы. Ко второй половине 1730-х гг., когда Кабинет оказался перегружен множеством второстепенных задач, Сенат занял положение незаменимого исполнителя его решений по ряду вопросов. Но на правах более авторитетного учреждения Кабинет мог не всегда соглашаться с мнением Сената – решающее заключение все же оставалось за Кабинетом.

В диссертационном исследовании проанализированы практики сотрудничества Кабинета министров с центральными отраслевыми учреждениями. По большей части это взаимодействие заключалось в контроле Кабинета над разного рода отчетами (чаще всего финансовыми), которые должны были представить коллегии и другие инстанции. В силу недостаточного уровня квалификации со стороны чиновного состава органов центрального управления инстанции не могли справиться с поставленными задачами в конкретные сроки, что находило отражение в критике их деятельности со стороны Кабинета.

Взаимодействие Кабинета с местными властными структурами было проанализировано на примере исследования его роли в формировании политики на Юго-Востоке европейской России 1730–1741 гг. Сделан вывод, что в линии поведения центральных властей 1730-х гг. в Юго-Восточном регионе можно проследить действия, которые были направлены на прогрессивное развитие государства. Так, с 1730 г. под контролем центральных властей оказалось строительство Украинской и Новой Закамской линий, призванных обеспечить защиту юго-восточных рубежей государства от набегов кочевников.

Кабинет проявил особое внимание к проекту И.К. Кирилова по организации Оренбургской экспедиции и был готов оказывать его руководству значительную финансовую поддержку. Однако негибкие действия начальников экспедиции послужили катализатором серии башкирских выступлений 1735–1740 гг., затронувшей не только самих башкир, но и соседние народности Юго-Восточной окраины: калмыков, казахов (киргиз-кайсаков), каракалпаков.

Особое внимание в диссертационном исследовании было уделено изучению деятельности Кабинета министров в 1737 – начале 1739 гг. на Юго-Востоке и его взаимоотношениям с руководителем Оренбургской экспедиции (комиссии) В.Н. Татищевым. Новому начальнику экспедиции пришлось столкнуться с очередным башкирским восстанием, а также неоднозначным

поведением со стороны казахских и калмыцких правителей. В такой ситуации Татищеву приходилось постоянно лавировать между властями местных народов и в ряде случаев действовать самостоятельно, что объяснялось удаленностью Юго-Восточной окраины от центра и необходимостью действовать оперативно в критических случаях. Выявлено, что инициативность Татищева действительно поощрялась Кабинетом, поскольку таким образом снимала ответственность с министров за принятие сложных решений.

В 1739–1741 гг. должность руководителя Оренбургской комиссии была возложена на В.И. Урусова, при котором завершилось башкирское восстание 1739–1740 гг. Из-за того, что предыдущий руководитель Татищев оказался под следствием из-за придворных интриг, Кабинет на этот раз стремился определить на должность командира Оренбургской комиссии более послушную фигуру, не вызывавшую возможного недовольства со стороны властей. Однако в целом стратегия Кабинета на Юго-Востоке в 1739–1741 гг. была ориентирована на исполнение программы Татищева, несколько подкорректированной кабинет-министрами.

Таким образом, деятельность Кабинета министров 1730–1741 гг. была направлена на планомерное исправление недостатков государственного управления на центральном и местном уровне, а также закладывала основы для их решения в последующие десятилетия существования Российской империи. Каких-либо серьезных преобразований в 1730-е гг. все же не произошло, поскольку глава Кабинета – А.И. Остерман – не отличался новаторскими устремлениями, а преследовал цель закрепления петровских преобразований в системе государственного управления и обеспечения плацдарма для стабильного развития Российской империи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В ПУБЛИКАЦИЯХ

*Статьи в рецензируемых научных журналах, перечень которых
установлен Министерством науки и высшего образования
Российской Федерации:*

1. Кривова, Д.А. Кабинет министров Анны Иоанновны как типовое учреждение эпохи абсолютизма / Д. А. Кривова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2023. — Т. 29. № 2. — С. 24–29 (0,3 п.л.).
2. Кривова, Д.А. Взаимодействие Кабинета министров и руководства Оренбургской экспедицией в период башкирского восстания 1735–1736 гг. / Д. А. Кривова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2024. — № 2 (70). — С. 5–18 (0,8 п.л.).
3. Кривова, Д.А. Стратегия Кабинета министров на юго-востоке европейской России в 1737–1739 гг.: «время В.Н. Татищева» / Д. А. Кривова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2025. — № 2 (74). — С. 5–19 (0,9 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

4. Кривова, Д.А. Вопрос о «немецком засилье» в период правления Анны Иоанновны / Д. А. Кривова // Платоновские чтения: XXIII Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 8-9 декабря 2017 г.) : материалы и доклады. – Самара : Самарский нац. исслед. ун-т, 2018. – С. 54–56 (0,1 п.л.).
5. Кривова, Д.А. Э.И. Бирон и его роль в правящей элите в царствование Анны Иоанновны / Д. А. Кривова // Наука через призму времени. — 2018. — № 11 (20). – С. 42–44 (0,1 п.л.).
6. Кривова, Д.А. Положение иностранцев в правительственных учреждениях во время правления Анны Иоанновны / Д. А. Кривова // Молодежь в науке: Новые аргументы: IV Международный молодежный сборник научных статей (Россия, г. Липецк, 26 апреля 2019 г.). Часть II / Отв. ред. А.В. Горбенко. — Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2019. — С. 19–21 (0,1 п.л.).
7. Кривова, Д.А. Политическая деятельность А.П. Волынского / Д.А. Кривова // — Платоновские чтения: XXIV Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 7-8 декабря 2018 г.): материалы и доклады. – Самара : Самарский нац. исслед. ун-т, 2019. – С. 41–43 (0,1 п.л.).
8. Кривова, Д.А. Функционирование Кабинета министров 1731-1741 гг. / Д.А. Кривова // Новый век: человек, общество, история глазами молодых: Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 19 / под ред. А. В. Баранова. – Саратов : Саратовский государственный университет, 2020.— С. 126–131 (0,3 п.л.).
9. Кривова, Д.А. Специфика назначений в Кабинет министров при Анне Иоанновне / Д.А. Кривова // Платоновские чтения: XXV Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 7-8 декабря 2018 г.) : материалы и доклады. – Самара : Самарский нац. исслед. ун-т, 2020. — С. 26–30 (0,2 п.л.).
10. Кривова, Д.А. Роль А.П. Волынского в работе Кабинета министров при Анне Иоанновне / Д.А. Кривова // Студенческое сообщество и современная наука: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (15 мая 2020 г.). – Выпуск 6 / Под ред. Н.А. Жирова. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2020. – С. 127–133 (0,3 п.л.).
11. Кривова, Д.А. Компетенция Кабинета министров 1731–1741 гг. / Д.А. Кривова // LXX молодёжная научная конференция, посвящённая 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 100-летию со дня рождения В. П. Лукачёва: тезисы докладов. — Самара : Изд-во Самарского университета, 2020. — С. 144 (0,06 п.л.).
12. Кривова, Д.А. Взаимодействие Кабинета министров с Оренбургской экспедицией (комиссией) в период ее руководства В.Н. Татищевым в 1737–1739 гг. / Д.А. Кривова // Платоновские чтения: XXVI Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 11-12 декабря 2020 г.): материалы и доклады. – Самара : Самарский нац. исслед. ун-т, 2021. — С. 19–21 (0,1 п.л.).
13. Кривова, Д.А. Политическая позиция А.П. Волынского в его проектной деятельности / Д.А. Кривова // Ноябрьские чтения-2019: Сборник статей по

итогах XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2019 г. / Р.А. Шумяков (отв. ред.); А.Д. Муратбакиева (зам. отв. ред.). — СПб.: Скифия-принт, 2021. — С. 529–533 (0,3 п.л.).

14. Кривова, Д.А., Дубман Э.Л. Взаимодействие Кабинета министров и Сената в 1731–1741 гг. / Д.А. Кривова // XVI Королёвские чтения : международная молодёжная научная конференция, посвящённая 60-летию полёта в космос, Ю. А. Гагарина, 5-7 октября 2021 г. : сборник трудов : в 3 томах. Т. 3. — Самара : Издательство Самарского университета, 2021. — С. 1068–1069 (0,1 п.л.)

15. Кривова, Д.А. Порядок внутреннего делопроизводства Кабинета министров 1730–1741 гг. / Д.А. Кривова // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. — 2021. — № 1 (18). — С. 58–61 (0,5 п.л.).

16. Кривова, Д.А. Специфика взаимодействия Кабинета министров 1730–1741 гг. с местными органами власти / Д.А. Кривова // Самарский земский сборник. — 2022. — № 1 (32). — С. 33–35 (0,1 п.л.).

17. Кривова, Д.А. Роль Кабинета министров в организации Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734–1737 гг. / Д. А. Кривова // Платоновские чтения: XXVII Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 10-11 декабря 2021 г.): материалы и доклады. — Самара : Самарский нац. исслед. ун-т, 2022. — С. 17–21 (0,3 п.л.).

18. Кривова, Д.А. К вопросу о проблемах взаимоотношений Кабинета министров (1731–1741 гг.) и местных органов власти / Д.А. Кривова // Платоновские чтения : XXVIII Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 9-10 декабря 2022 г.) : материалы и доклады / П. С. Кабытов (отв. редактор) [и др.]. — Самара : Самарский университет, 2023. — С. 24–27 (0,2 п.л.).

19. Кривова, Д.А. Политика Кабинета министров на юго-востоке Европейской России в 1737–1739 гг. / Д.А. Кривова // Всероссийский молодёжный краеведческий форум: сборник статей молодых историков, Самара, 30-31 октября 2024 г. / отв. ред. М.М. Леонов. — Самара: ООО «САМАРАМА», 2024. — С. 156–168 (0,8 п.л.)

20. Кривова, Д.А. Кабинет министров и события на юго-востоке европейской России в 1739–1741 гг.: завершение башкирских восстаний / Д. А. Кривова // Платоновские чтения : XXX Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 6-7 декабря 2024 г.) : материалы и доклады / П. С. Кабытов (ответственный редактор) [и др.]. — Самара : Самарама, 2024. — С. 226–230 (0,3 п.л.).